

Роковой опал

Джессика растет в тени легенд о величественном поместье, которое когда-то принадлежало ее семье. Нарушив запрет матери, она знакомится с его новым владельцем и получает шанс изменить жизнь. Брак с сыном хозяина Окленд Холла принесет ей состояние, но вряд ли — любовь. Джосс молод, красив, не знает отказа у женщин, но сердце его подчинено лишь одной страсти — опалам. Он одержим желанием отыскать Зеленое Сияние, легендарный камень, похищенный у его отца. Говорят, что колдовское величие этого опала подчиняет разум владельца. Кажется, муж Джессики уже попал под его влияние...

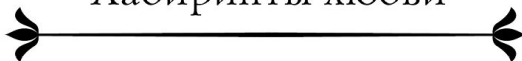
ВИКТОРИЯ ХОЛТ

Роковой опал

Лабиринты любви

КСД

Лабиринты любви

VICTORIA
HOLT

The Pride of the Peacock

A Novel

ВИКТОРИЯ ХОЛТ

Роковой опал

Роман

ХАРЬКОВ
2022 КСД

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2022

ISBN 978-617-12-9527-8 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Печатается по изданию:
Holt V. The Pride of the Peacock / Victoria Holt. — Naperville : Sourcebooks Casablanca, 2014. —
348 p.

Перевод с английского *Игоря Толока*

Дизайнер обложки *Петр Вихорь*

Джессіка зростає в тіні легенд про величний маєток, що колись належав її родині. Порушивши заборону матері, вона знайомиться з його новим власником і отримує шанс змінити життя. Шлюб із сином хазяїна Окленд Холу принесе їй статки, та навряд чи — любов. Джос молодий, красивий, не знає відмови в жінок, але серце його має лише одну пристрасть — опали. Він одержимий бажанням відшукати Зелене Сяйво, легендарний камінь, викрадений у його батька. Кажуть, що чаклунська велич цього опала підкорює розум власника. Здається, чоловік Джессіки вже потрапив під його вплив...

Холт В.

Х73 Роковой опал : роман / Виктория Холт ; пер. с англ. И. Толока. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2022. — 432 с. — (Серия «Лабиринты любви», ISBN 978-

617-12-9102-7)

ISBN 978-617-12-9328-1

Джессика растет в тени легенд о величественном поместье, которое когда-то принадлежало ее семье. Нарушив запрет матери, она знакомится с его новым владельцем и получает шанс изменить жизнь. Брак с сыном хозяина Окленд Холла принесет ей состояние, но вряд ли — любовь. Джосс молод, красив, не знает отказа у женщин, но сердце его подчинено лишь одной страсти — опалам. Он одержим желанием отыскать Зеленое Сияние, легендарный камень, похищенный у его отца. Говорят, что колдовское величие этого опала подчиняет разум владельца. Кажется, муж Джессики уже попал под его влияние...

УДК 821.111

© Victoria Holt, 1976

© DepositPhotos.com / wellmind@yandex.ru, Valentyn_Volkov, piolka, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2022

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2022

Дауэр Хаус

То, что меня окружает какая-то тайна, я почувствовала еще в детском возрасте: уже тогда у меня возникло ощущение какой-то отчужденности, которое потом не оставляло меня. Я была особенной, не такой, как все остальные в Дауэр Хаусе.

У меня вошло в привычку спускаться к небольшому ручью, который протекал между Дауэр Хаусом и Окленд Холлом, и подолгу смотреть в его чистые воды, как будто я надеялась увидеть там ответ на мучивший меня вопрос. То, что для своих размышлений я выбрала именно это место, как оказалось впоследствии, имело существенное значение. Как-то меня застала здесь Мэдди, которая была у нас служанкой и кем-то вроде няньки для меня, и мне никогда не забыть то выражение искреннего ужаса в ее глазах.

— Почему вы захотели пойти сюда, мисс Джессика? — взволнованно спросила она. — Если бы мисс Мириам узнала об этом, она бы вам не позволила.

Еще одна тайна! Что не так было с этой славной речушкой и красивым мостом, перекинутым через нее? Меня особенно тянуло сюда еще и потому, что на другом берегу вдалеке вырисовывались очертания серых стен величественного Окленд Холла.

— А мне здесь нравится, — упрямо ответила я. Запретный плод сладок, и ко мне это высказывание относится в первую очередь, потому что, узнав о существовании каких-то непонятных причин, по которым мне не следовало появляться на берегу этого ручья, я стала ходить туда еще чаще.

— Это неправильно, что вы так много бываете там, — настаивала Мэдди.

А мне ужасно хотелось узнать, почему это так. В итоге моя любознательность привела к тому, что Мэдди начала называть меня Мисс Что-Где-Почему.

— Это плохое место, так и знайте, — заявила она. — Я сама слышала, как это говорили мистер Ксавье и мисс Мириам. Плохое!

— Но почему?

— Ну вот, опять пошло-поехало! — воскликнула Мэдди. — Потому что! Плохое — вот и все, и нечего вам туда ходить.

— Там что, привидения водятся?

— Очень даже может быть.

Итак, я частенько ходила к той речушке и, сидя на ее берегу, размышляла о том, как она, извиваясь между холмами, плавно течет по всей стране, разливаясь вширь перед впадением в старушку-матушку Темзу, а потом уже вместе с этой могучей компаньонкой добирается до самого моря.

Ну что в этом может быть такого опасного? — спрашивала я себя. Если не шли проливные дожди, ручей был совсем мелким, с чистой прозрачной водой, так что я могла разглядеть даже гальку на его коричневатом от ила дне. На другом берегу к воде клонила поникшие ветки плакучая ива. *О чем она плачет?* — гадала я. — *О чем печалится?*

В общем, в те юные годы, приходя к нашей маленькой речке, я в основном думала о себе, и чуть ли не главной темой моих размышлений всегда было то, что у меня на самом деле очень мало общего с Дауэр Хаусом, что я здесь чужая.

Однако эта мысль не слишком беспокоила меня. Я была особенной, и меня это устраивало. Взять для начала хотя бы мое имя — оно было необыкновенным. Потому что в действительности звали меня Опал, Опал Джессика, и я часто задумывалась, каким образом моя мать когда-то могла назвать меня таким фривольным именем, ведь она была женщиной далеко не легкомысленной. Что же касается моего бедного отца, то его мнения, конечно, никто не спрашивал: над ним словно витала какая-то темная печальная туча, и порой мне казалось, что она же накрывала и меня.

Правда, именем Опал меня никто никогда не называл, поэтому я сама иногда использовала его, разговаривая сама с собой, что происходило со мной частенько. Объяснялось это, безусловно, тем фактом, что большую часть времени я проводила в одиночестве; именно таким образом я пришла к осознанию тайны, которая окружала меня, как облако тумана, за которым ничего не видно. Время от времени Мэдди проливали немного света в непроглядной пелене, но эффект получался обратным: от этих слабых проблесков все становилось только еще более запутанным и призрачным.

Во-первых, это странное имя. Зачем было меня так называть, если пользоваться этим именем не собирались? Моя мать казалась мне

очень старой: когда она родила меня, ей было далеко за тридцать. Моя сестра Мириам была старше меня на пятнадцать лет, а брат Ксавье — почти на двадцать, но я никогда не относилась к ним как к сестре и брату. Мириам была для меня фактически воспитательницей, поскольку мы были слишком бедны, чтобы нанять для меня настоящую гувернантку. Вообще же тема бедности была самой болезненной темой в нашей семье. Мне пришлось бесчисленное количество раз выслушивать рассказы о том, что у нас было в прошлом и чего теперь нет, потому что мы постепенно скатились от роскоши до «состояния нужды», как называла это мама.

Мой бедный отец как-то весь сжимался, когда мама заводила разговоры о «лучших временах», когда их окружали толпы слуг, когда в их доме устраивались блестящие балы и элегантные приемы гостей. Тем не менее в Дауэр Хаусе не было недостатка в еде, у нас были Бедняга Джармен, ухаживавший за садом, миссис Кобб — наша кухарка и Мэдди в качестве служанки на все случаи жизни, так что, строго говоря, мы не были совсем уж безденежными. А поскольку мама всегда преувеличивала степень нашей нищеты, я подозревала, что то же самое происходило и с ее рассуждениями о нашем былом богатстве, а значит, все эти балы и банкеты были не такими впечатляющими, как она это рисовала.

Мне было лет десять, когда я сделала для себя одно важное открытие. Хозяева Окленд Холла устраивали у себя какой-то праздник: на другом берегу ручья царило оживление, и было шумно от веселых возбужденных голосов. Стоя у окна, я видела, как вся эта большая компания выезжает верхом на псовую охоту.

Мне ужасно хотелось оказаться в числе приглашенных, чтобы побывать в этом большом красивом особняке. Да, я видела его издалека и только зимой, когда лишенные листья дубы уже не заслоняли его от нашего берега; и, хотя разглядеть мне удавалось только серые каменные стены, даже их вид уже завораживал меня. Подъездная аллея длиной с полмили была слишком извилистой, так что с ее начала рассмотреть дом тоже было невозможно, но я пообещала себе, что однажды наберусь смелости, переправлюсь на другой берег и подойду поближе.

Дело было в классной комнате, где мы с Мириам были вдвоем. Мириам была не самым вдохновенным педагогом, и я зачастую

выводила ее из терпения. Это была высокая бледная женщина, а, поскольку мне было десять, стало быть, ей уже исполнилось двадцать пять. Она была вечно недовольной — как и все остальные, кто был не в силах забыть те пресловутые «лучшие времена», — и порой смотрела на меня с холодной неприязнью. Повторю: я никогда не воспринимала ее как свою старшую сестру.

В тот день, когда гости Окленд Холла с веселым шумом проехали по берегу верхом, направляясь на охоту, я вскочила и подбежала к окну.

— Джессика, — воскликнула Мириам, — что ты делаешь?!

— Я всего лишь хотела взглянуть на всадников, — ответила я.

Она схватила меня за руку, — не слишком нежно, нужно сказать, — и оттащила от окна.

— Они же могут увидеть тебя! — прошипела она, как будто это было верхом безумия с моей стороны.

— И что? — удивилась я. — Они и так видели меня вчера.

А некоторые из них даже поздоровались и помахали мне рукой.

— Не смей больше с ними разговаривать, — строго сказала она.

— Но почему?

— Потому что мама рассердится.

— Ты говоришь о них, как о каких-то грубых дикарях. А я не возьму в толк, что плохого будет, если я с ними здороваюсь.

— Ты просто не понимаешь, Джессика.

— А как я могу что-то понять, если мне никто ничего не рассказывает?

Поколебавшись немного, как будто раздумывая, насколько правильным будет это небольшое попустительство, которое тем не менее сможет уберечь меня от морального падения в виде доброжелательного отношения к гостям Окленд Холла, она все-таки сказала:

— Когда-то Окленд Холл был нашим. И этого нельзя забывать никогда.

— А почему он сейчас не наш?

— Потому что *они* его у нас забрали.

— Забрали? Каким образом? — Я немедленно представила себе эту картину: во время осады мама, воинственная и властная, командует членам нашей семьи лить на злобных врагов, пришедших отобрать наш замок, кипящее масло с зубчатых крепостных стен; Мириам

и Ксавье подчиняются беспрекословно, тогда как папа пытается взглянуть на происходящее с другой точки зрения.

— Они купили Окленд Холл.

— Так почему же мы его продали?

Губы ее сурово сжались.

— Потому что мы больше не могли себе позволить жить там.

— О, — сказала я. — Все ясно, нужда. Так вот, значит, где прошли наши «лучшие времена».

— Не наши, ты тут вообще ни при чем. Все это произошло еще до твоего рождения. А вот я провела свое детство в Окленд Холле.

И я знаю, что означает спуститься с небес на землю.

— Ладно, если я никогда не знала лучших времен, для меня ничего не поменялось. Но почему мы стали такими бедными?

Ответить на этот вопрос она не могла и поэтому сказала:

— Вот и пришлось нам продать его этим... варварам. Однако нам удалось сохранить хотя бы Дауэр Хаус. Это все, что у нас осталось. Теперь ты понимаешь, почему мы не хотим, чтобы ты уделяла столько внимания людям, которые отобрали наш дом.

— А они что, на самом деле варвары? В смысле — дикари?

— Они ничем их не лучше.

— А выглядят, как обыкновенные люди.

— Ох, Джессика, какой же ты еще ребенок! Если ты чего-то не понимаешь, оставь это для взрослых. Но сейчас, по крайней мере, ты уже знаешь, что мы когда-то жили в Окленд Холле, и поэтому сможешь понять, почему мы не хотим, чтобы ты таращилась на выходящих из этого дома людей, как какая-то деревенщина. А теперь пришла пора для урока алгебры. Если ты хочешь получить хоть какое-то образование, тебе следует больше внимания уделять своим учебникам...

Но как после такого поразительного открытия можно сосредоточиться на том, сколько будет $(x + y)^2$? В итоге мне отчаянно захотелось узнать побольше об этих варварах, которые забрали себе наш дом.

Этот интерес положил начало моему расследованию, в ходе которого я начала действовать в свойственной мне энергичной — и, как мне казалось, утонченной — манере.

Решив, что от слуг будет больше толку, чем от членов нашей семьи, я первым делом принялась за Беднягу Джармена, который под бдительным надзором мамы содержал в образцовом порядке наш сад, летом пропадая в нем целыми днями, но также навещаясь туда и зимой. Бедняга Джармен! Он говорил мне, что самой Природе угодно, чтобы он был бедным, поскольку она каждый год дарит его жене нового ребенка.

«Так что бедный я из-за природы» — это было его любимое высказывание, которое лично я находила совершенно несправедливым по отношению к природе. Потому что под руководством Мириам своим каллиграфическим почерком обычно писала совсем другое, а именно: «Природа — наша кормилица». Но в отношении Бедняги Джармена она была уж слишком благосклонной. Это сделало его крайне робким, и он чрезвычайно почтительно кланялся практически всем и каждому — за исключением меня. В общении со мной он обычно ограничивался фразами вроде: «Держитесь подальше от этих проклятых клумб, мисс Джессика. Если госпожа увидит, что они вытоптаны, винить в этом станет меня».

Целую неделю я ходила за ним по пятам в надежде выудить какую-то информацию. Я собирала цветочные горшки и складывала их в теплице, я терпеливо наблюдала, как он подрезает деревья и выпалывает сорняки.

— Что это вы, мисс Джессика, — однажды сказал он, — так внезапно стали интересоваться садоводством?

Я не стала объяснять ему, что на самом деле меня интересует прошлое моей семьи.

— Ты ведь когда-то работал в Окленд Холле, — притворно улыбнувшись, небрежно заметила я.

— О да. Вот это были времена!

— *Лучшие времена*, надо полагать, — вставила я.

— Какие там лужайки! — восторженно заявил он. — А трава! Лучший дерн во всей стране. А зверобой какой! Только отвернулся, а им уже все заросло — растет буквально на глазах!

— Все это щедрость природы, — сказала я. — К зверобою она так же щедра, как и к тебе.

Он подозрительно взглянул на меня — о чем это я сейчас говорю?

— Так почему же ты тогда ушел из Окленд Холла? — продолжала выпрашивать я.

— Переехал сюда с вашей матерью. Такая вот преданность госпоже. — Он оперся на лопату, и взгляд его затуманился. Воспоминания унесли его далеко в прошлое, когда щедрость природы еще не превратила его в Беднягу Джармена. — Да, славные были деньки. И что забавно, я думал, это никогда не закончится. А потом вдруг...

— Что? — быстро вставила я, стараясь его подтолкнуть.

— Госпожа послала за мной. «Джармен, — сказала она, — мы продали Холл. И теперь переезжаем в Дауэр Хаус». Я остолбенел — в тот момент меня можно было свалить с ног легким перышком. Кое-кто потом говорил, что видел — к этому все идет, но меня это известие застало врасплох. Тогда она и говорит: «Если ты поедешь с нами, то сможешь на нашем участке построить себе дом. А потом женишься». Так все и началось. Не прошло и года, как я уже стал отцом.

— Ты сказал, что ходили разговоры...

— Да, ходили. Кое-кто знал, что это должно случиться... по крайней мере, так говорили. Мол, в семье издавна есть пристрастие к азартным играм. Старый мистер Клаверинг очень любил это дело и, по слухам, проиграл приличную сумму денег. В итоге имущество начали закладывать — то одно, то другое. Для дома и хозяйства это очень плохо. А что плохо для дома, тем более плохо для тех, кто в нем работает.

— Выходит, они чувствовали приближение бури.

— Ну, мы все знали про какие-то проблемы с деньгами, потому что порой нам не выплачивали жалованье по два месяца. Конечно, есть семьи, где это вошло в привычку, однако Клаверинги никогда такими не были. А потом появился тот человек. И купил Холл. Какой-то рудокоп. Уж не знаю, на чем он заработал свое состояние, только приехал он из-за границы.

— А почему ты не остался работать у него?

— Так ведь я всегда служил у одних господ. К тому же здесь у меня есть свой дом.

У него было одиннадцать детей, следовательно, все это должно было происходить примерно двенадцать лет тому назад. В принципе можно было бы вести счет годам по детям Джармена, но, поскольку люди

вечно путали, кто из них кто, запомнить, что произошло в год рождения каждого, было трудно.

— Все это случилось еще до моего рождения, — продолжала я, стараясь направить ход его мыслей в нужное мне русло.

— Да. Точно. Примерно за два года до этого.

Выходит, с тех пор действительно прошло уже двенадцать лет, считай, целая жизнь — моя жизнь, по крайней мере.

Это было все, что мне удалось выведать у Джармена: в случившемся виновато пристрастие моего отца к игре. Неудивительно, что мама относилась к нему с презрением. Теперь мне стало понятно истинное значение ее горьких упреков в его адрес. Мой бедный папа в основном отсиживался у себя в комнате, большую часть времени уделяя раскладыванию пасьянсов — единственной игре, где он не мог проиграть деньги своему оппоненту, но в то же время не утрачивал связь с картами, которые продолжал любить, несмотря на то, что они, видимо, стали причиной изгнания его семьи из мира богатых.

Миссис Кобб мало что могла мне сообщить. Как и члены моей семьи, она постоянно вспоминала «лучшие времена». Она тоже ушла с ними, когда они переехали в Дауэр Хаус, и не уставала повторять всем, кто был готов ее выслушать, что вообще-то она привыкла, чтобы в доме были горничные, судомойки на кухне и парочка лакеев.

Получалось, что служить в доме вроде нашего было для нее менее престижно, но себя она успокаивала тем, что, по крайней мере, работает на господ, которые, как и она сама, знавали «лучшие времена», а не на кого-то, кто вообще «в жизни ничего хорошего не видел».

Приближаться к моему отцу — постоянно раскладывающему свой пасьянс, читающему и уходящему на длительные прогулки в одиночестве — мне определенно не следовало. В любом случае он, похоже, и не обращал на меня внимания. А когда все-таки замечал, на лице его появлялось то самое выражение, что и в минуты, когда мама напоминала ему о его слабости, приведшей семью в плачевное состояние. Для меня он был почти пустым местом, — согласитесь, странное ощущение по отношению к собственному отцу, — но, поскольку он не проявлял ко мне ни малейшего интереса, мне было сложно испытывать к нему какие-либо чувства, кроме жалости во время очередного напоминания о его вине.

Что касается моей мамы, то она была еще более неприступна. Когда я была совсем маленькой, мы пели в церкви:

Может ли женщина перестать Нежно любить дитя, которое она носит?

Мое детское воображение рисовало мне мать-медведицу, которая горячо любит своего крошечного медвежонка; но когда я рассказала об этом Мириам, она была шокирована и объяснила мне истинный смысл этих слов¹. Тогда я ответила ей, что нежная любовь моей матери ко мне никогда не прекратится только потому, что ее никогда не существовало. Мириам густо покраснела и заявила, что я — просто неблагодарный ребенок и что мне бы следовало быть признательной за то, что у меня такой хороший дом. Я возразила, что не понимаю, почему этот дом хорош для меня, тогда как все остальные его презирают, но была поставлена на место очередным упоминанием о том факте, что все они знавали «лучшие времена» — в отличие от меня.

Мой брат Ксавье был замкнутым романтичным молодым человеком, которого я почти не видела. Он приглядывал за тем, что нам удалось сохранить после продажи поместья Окленд, — одной небольшой фермой и несколькими акрами пастбищ. Когда же мы с ним все-таки виделись, он бывал добр ко мне, но проявлялось это отношение странным образом: как будто он признавал мое право находиться в этом доме, но не мог понять, как я здесь оказалась, а спросить — из вежливости — стеснялся. Я слышала, что он влюблен в леди Клару Доннингем, которая жила милях в двадцати от нас, но не сватался к ней, потому что не мог предложить ей той роскоши, к которой она привыкла у себя. Она, очевидно, была очень богата, тогда как мы, по выражению мамы, жили «в нужде». Как бы там ни было, но они с леди Кларой продолжали жить порознь, каждый сам по себе, хотя по данным миссис Кобб, которая была знакома с кухаркой в доме этой молодой дамы, та не ответила бы отказом, если бы мистер Ксавье сделал ей предложение. Но Ксавье был слишком горд, а леди Кларе поднять этот вопрос самой запрещали правила приличия, и это мешало им быть вместе. Ксавье в моих глазах был окружен романтическим

ореолом: он был благородным рыцарем, стойко шедшим по жизни, лелея в душе тайную страсть, которую не смел открыть даме своего сердца из-за светских приличий. Касательно же моего расследования, он бы мне точно ничего не рассказал.

Мириам можно было бы склонить поведать мне что-то, но для доверительной беседы она не годилась. У нее тоже возникло «взаимопонимание» с одним молодым человеком, помощником нашего приходского vikария, преподобного Джаспера Крея, однако пожениться они могли только после того, как тот займет место этого самого vikария, а это, учитывая застенчивый характер ее избранника, представлялось весьма далекой перспективой.

Мэдди сказала мне, что, будь мы по-прежнему в Окленд Холле, у нас постоянно устраивали бы танцы, к нам приходили бы толпы гостей, и не пришлось бы мисс Мириам заглядываться на какого-то помощника vikария. Да что говорить! Выбор у нее был бы совсем другой — сквайр Такой-то или сэръ Такой-то, а может быть, даже какой-нибудь лорд. Ведь именно такого круга люди захаживали к нам в те грандиозные былые времена.

В общем, все беседы возвращались к излюбленной теме — нашему славному прошлому.

Поскольку миссис Кобб было не удержать от рассказов про ее собственные «лучшие времена», у меня оставалось мало надежды разговорить ее на тему о моей семье. Насколько я уже поняла, единственным человеком, который мог мне в этом действительно помочь, была Мэдди. Она жила в Окленд Холле. Еще одним аргументом в ее пользу было то, что она любила поболтать, а если я еще и клялась никому об этом не говорить, — что я делала с готовностью, — она иногда подбрасывала мне крупицы важной информации.

Мэдди было тридцать пять — она была на пять лет старше Ксавье, — и в Окленд Холл она пришла одиннадцатилетней девочкой работать нянькой.

— Там все было очень шикарно. А детские комнаты — так те и вовсе просто замечательные.

— Ксавье, наверное, был хорошим ребенком, — вставила я.

— О да. *Он-то* как раз не любил озорничать.

— А кто же тогда любил? Мириам?

— Нет, она тоже нет.

— Тогда почему ты сказала «он-то»?

— Ничего я такого не говорила. Что вы меня допрашиваете, как какой-то судья из магистрата? Что, да как, да почему... — Она плотно сжала губы, как будто наказывая меня таким образом за вопрос, который ее встревожил. И только намного позже я выяснила, почему это произошло.

Как-то я сказала Мириам:

— Забавно: ты родилась в Окленд Холле, а я — в Дауэр Хаусе.

— Нет, ты родилась не в Дауэр Хаусе, — немного поколебавшись, ответила она. — На самом деле... это было за границей.

— Как интересно! И где же?

Мириам выглядела смущенной, словно никак не могла понять, каким образом мне удалось спровоцировать ее на такую опрометчивую откровенность.

— Ты родилась, когда мама путешествовала по Италии.

Мои глаза округлились от возбуждения. Венеция, сразу подумала я. Гондолы. Пиза с ее падающей башней. Флоренция, где встретились Беатриче и Данте и полюбили друг друга так красиво и целомудренно — по крайней мере, так об этом рассказывала Мириам.

— Где же это было? — не отставала я.

— Это случилось... в Риме.

Я была в восторге.

— Юлий Цезарь, — сказала я. — «О, римляне, сограждане, друзья! Меня своим вниманием удостойте!»² Но почему именно Рим?

Это вызвало у Мириам раздражение.

— Потому что тебя угораздило появиться на свет, когда они были там.

— Так папа был с нею? — удивилась я. — Но ведь это, наверное, весьма накладно? А как же наша нужда и все такое прочее?

На лице Мириам появилось особенное уязвленное выражение, свойственное только ей, и она чопорно ответила:

— Они там были — и точка.

— Они что, не знали, что я должна вот-вот родиться? Я имею в виду, они ведь не поехали бы так далеко, если бы...

— Такие вещи порой случаются. А теперь довольно. Что-то мы с тобой заболтались.

Она могла быть очень суровой, моя старшая сестра Мириам. Порой мне становилось даже жаль помощника нашего викария, — если, конечно, она когда-нибудь выйдет за него замуж, — а также унылых деток, которые могут у них родиться.

В общем, здесь было над чем подумать. Похоже, меня с рождения окутывает тайна! Вероятно, мне дали имя Опал как раз потому, что они в это время были в Риме. Я попыталась собрать какую-то информацию об опалах. После того как я заглянула в толковый словарь, у меня остались противоречивые чувства. Не очень лестно, когда тебя называют в честь «природного минерала, состоящего в основном из водосодержащего кварца»; что бы отсюда ни следовало, выглядело это абсолютно не романтично. Однако потом я выяснила, что этот камень бывает разных оттенков красного, зеленого, синего... фактически всех цветов спектра, и что он при этом переливается, меняя окраску, — и это уже звучало намного лучше. Но мне все равно трудно было представить себе, что моя мама в порыве легкомыслия, навеянного красотами итальянских небес, назвала своего ребенка Опал, даже если после было добавлено второе имя, Джессика, более пригодное для повседневного употребления.

Вскоре после того случая, когда я видела на другом берегу отправляющихся на охоту гостей, до меня дошли слухи, что хозяин Окленда на некоторое время уехал. В доме осталась только прислуга, и за ручьем уже не было слышно звуков шумного веселья, потому что в гости никто не приезжал; точнее, посетители там бывали, но приходили они к слугам, а это, конечно, совершенно другое дело.

Некоторое время жизнь наша продолжалась по-старому: отец был замкнут в своем одиночестве с пасьянсами, прогулками и чудесной способностью отгородиться от жалоб и упреков семьи; мама руководила домашним хозяйством, занималась делами церкви и заботилась о бедных, не забывая напоминать, что мы теперь тоже принадлежим к этой категории. Однако мы все-таки были относительно обеспеченными бедняками, поскольку раздавали милостыню, а не получали ее. Ксавье, без сомнения, был погружен в тихие мечты о недостижимой леди Кларе (хотя в отношении этой пары к моему прежнему сочувствию добавился привкус нетерпения,

потому что на месте леди Клары я бы уже давно заявила, что создавать преграду их чувствам из-за ее денег — это полная чушь; впрочем, на месте Ксавье я сказала бы то же самое). Аналогично было и у Мириам с ее помощником викария. Ей светило пойти по пути Бедняги Джармена и произвести на свет множество детей. Мне казалось, что священники вообще плодятся довольно свободно, и чем они беднее, тем, похоже, плодovitее.

Шли годы, тайна моя оставалась неразгаданной, но мое желание раскрыть ее нисколько не уменьшалось. Постепенно я все больше и больше убеждалась в существовании веской причины, по которой чувствовала себя в этой семье чужой.

Каждый новый день у нас начинался с утренней молитвы, где должны были присутствовать все домочадцы — предполагалось, что там обязан был быть даже папа. Происходило все это в гостиной, поскольку, как часто холодным тоном заявляла мама, у нас теперь нет своей часовни. При этом она бросала укоризненный взгляд в сторону отца, а затем поворачивалась к Окленд Холлу, где столько лет до этого преклоняла колени, изображая смирение. Потом она переводила взгляд на присутствующих во время этого ритуала Беднягу Джармена, миссис Кобб и Мэдди и с горечью в голосе добавляла: «Вот и вся наша прислуга. А ведь в Окленд Холле слуг у нас было так много, что мы знали по именам далеко не всех, а только занимавших какие-то высокие должности».

Это была торжественная церемония под руководством нашей мамы, где она увещевала нас быть смиренными, благодарными и добродетельными, к чему призывал Господь. Но это всегда казалось мне лицемерием, поскольку сама она была очень далека от умиротворенности. Обращаясь к Нему, она произносила «Ты только взгляни на это...» или «не делай то...», как будто командовала кем-то из своих старших слуг, которые, должно быть, работали у нее в Окленд Холле. Я думала, что она немного обижала этим Бога.

Я всегда находила утреннюю молитву скучной, но церковные службы мне нравились, хотя и по своеобразным причинам. Церковь была красивая, и я очень любила изучать там витражи с их замечательными яркими красками. Это цвета опала, с удовлетворением отмечала я. Мне нравилось пение приходского хора, но больше всего

я любила петь сама. «Христианин, ты видишь их?..» — приводил меня в трепет, и я даже оглядывалась по сторонам, почти ожидая увидеть там крадущееся войско мидийцев. О временах года я всегда думала через ассоциации с церковными гимнами. Прекрасное время сбора урожая и после — «Мы вспашем поля и засеем добрые семена...»; «Слушайте! Ангелы-вестники поют!» — это уже Рождество. Но больше всего я любила Пасху — «Аллилуйя! Христос воскрес в этот день». Пасха вообще замечательное время, когда появляются первые цветы нежных расцветок, белые и желтые, когда весна уже окончательно входит в свои права, и на подходе лето. К этому празднику Мириам обычно ходила украшать церковь. Интересно, думала я, составляет ли ей компанию помощник vicария и ведут ли они в процессе этого печальные беседы о невозможности пожениться из-за бедности. Мне всегда хотелось сказать им, что народ в деревенских хижинах имеет меньше, чем они, но при этом выглядит вполне счастливым.

Как бы там ни было, но церковь у нас была красивая, и особенно на Пасху.

Там у нашей семьи по-прежнему была своя скамья, скамья Клаверингов. Занимала она два передних ряда, и вела туда отдельная калиточка, запиравшаяся на замок; думаю, что, когда мы заходили туда вслед за родителями, маме казалось, что вернулись добрые старые времена. Возможно, именно поэтому и ей тоже нравилось ходить в церковь.

В Пасхальное воскресенье после позднего праздничного завтрака мы всегда брали цветы и шли на церковное кладбище, чтобы возложить их на могилы родственников. Здесь тоже все было очень престижно, поскольку участок Клаверингов находился в самом удобном месте, и надгробья здесь были самыми лучшими на всем погосте. Мне доподлинно известно, что маму очень раздражал тот факт, что памятник на ее могиле после ее смерти будет менее красивым и изысканным, чем мог бы быть, если бы деньги на него не были в свое время проиграны за карточным столом.

В то памятное Пасхальное воскресенье мне было шестнадцать. Я думала, что расту, что скоро перестану быть ребенком, и гадала, какое будущее ждет меня впереди. Очень не хотелось бы состариться в Дауэр Хаусе, как Мириам, которой исполнился уже тридцать один

год, а она была все так же далека от замужества за своим помощником викария, как и прежде.

Служба была прекрасная, и тема проповеди интересная — «Будь доволен и благодарен Господу за то, что Он дает тебе». Очень уместное наставление для Клаверингов, подумала я и заподозрила, уж не имел ли преподобный Джаспер Крей в виду именно их, когда писал эту проповедь. Как будто он хотел напомнить им, что Дауэр Хаус — вполне удобная и респектабельная резиденция по меркам всех окружающих, не считая хозяев Окленд Холла; что Мириам и ее священник должны быть довольны тем, что они есть друг у друга, и им следует пожениться; что Ксавье и леди Кларе необходимо сделать то же самое; нужно позволить моему отцу забыть, что это он довел нас до нашего нынешнего положения, а моей матери следовало бы просто радоваться тому, что у нее есть в настоящий момент. Что же касается меня самой, то я была в достаточной мере довольна судьбой, а если бы удалось получить ответы на некоторые мучившие меня вопросы, то вообще была бы вполне счастлива. Возможно, в глубине души я жаждала быть любимой, потому что до этого была лишена такого благословения небес. Мне бы хотелось, чтобы у кого-то при моем появлении зажигались глаза, чтобы кто-то немного переживал, когда я опаздываю домой; и не потому, что непунктуальность — это признак дурного тона, а из страха, что со мной могло случиться что-то нехорошее.

«Господи, — молилась я, — пусть же кто-нибудь полюбит меня».

Потом, правда, я смеялась над собой, поскольку, по сути, диктовала Ему, что нужно сделать, — в точности, как моя мать.

Когда наступило время идти на кладбище, я взяла корзинку с нарциссами и пошла вслед за Мириам и мамой. На участке Клаверингов был свой насос, с помощью которого мы набрали воды в стоящие на могилах кувшины и поставили туда свежие цветы. Здесь были похоронены мой дедушка, который первым начал растрачивать попусту семейное состояние, бабушка, прадедушка с прабабушкой, а также брат и сестра моего отца. Разумеется, мы не могли украсить могилы всех наших предков, но мне нравилось бродить среди заросших кустарником надгробий, похожих на открытые каменные книги, и читать выгравированные на них надписи. Там были памятники Джону Клаверингу, погибшему за своего короля в битве

при Престоне в 1648 году; Джеймсу, павшему в другой битве, при Мальплаке во Франции; Гарольду, который был убит в Трафальгарском сражении. Мы были воинственным родом.

— Пойдем, Джессика, — наконец сказала мама. — Должна сказать, какие-то нездоровые у тебя интересы.

Оторванная от мыслей про пушечные битвы, я торжественно проследовала обратно в Дауэр Хаус. Только ближе к вечеру мне удалось через сад пробраться к берегу ручья. Я все еще размышляла о своих предках Клаверингах, отважно отдавших жизнь за свою страну; о Джоне, который сражался с «круглоголовыми» в безуспешной попытке сохранить престол для своего короля — борьба эта стоила королю не только его трона, но и головы; о Джеймсе и Гарольде, воевавших в армии, соответственно, герцога Мальборо и адмирала Нельсона. Да, мы, Клаверинги, внесли весомую лепту в историю этой страны, с гордостью думала я.

Следуя вдоль течения ручья, я добрела до конца садов Дауэр Хауса. Дальше шла полоска луга — площадью примерно с акр, — где трава была высокой и неухоженной. У живой изгороди росло похожее на крапиву растение — белая яснотка, бутоны которой только начали распускаться. Цветение ее длится до самого декабря, но летом вокруг ее цветков будет столько пчел, что к ним невозможно будет приблизиться. Сюда редко кто приходил, и место это называлось Пустырем.

Выйдя на эту лужайку, я вдруг случайно заметила букетик диких фиалок, стянутый белой ниткой. Я наклонилась поднять его, но, раздвинув траву, увидела, что дерн в этом месте немного приподнят. Это был вытянутый холмик длиной около шести футов.

«Похоже на могилу» — это первое, что пришло мне в голову.

Но откуда здесь взяться могиле? Вероятно, после посещения церковного кладбища с пасхальными цветами мысли мои просто были настроены на этот невеселый лад. Тем не менее я присела и, раздвинув траву уже более основательно, пощупала землю. Да, это определенно была насыпь. Значит, здесь и вправду находилась могила, на которую сегодня кто-то принес букетик цветов.

Но кто мог быть похоронен на Пустыре? Озадаченная, я села на берегу ручья и стала размышлять, что бы это могло значить.

Первым человеком, которого я встретила по возвращении домой, была Мэдди; теперь, когда нянька мне больше не требовалась, она выполняла у нас все виды домашней работы. В данный момент она стояла перед шкафом и перебирала постельное белье.

— Мэдди, а я сегодня видела могилу, — сказала я.

— Так сегодня ж Пасхальное воскресенье, что тут удивительного? — ответила она.

— Нет, не на кладбище. А на Пустыре. Я уверена, что это была могила.

Она быстро отвернулась, однако я успела заметить выражение ужаса, мелькнувшее на ее лице.

— Так чья это могила? — не отставала я.

— А почему вы *меня* спрашиваете?

— Потому что ты знаешь.

— Мисс Джессика, пора бы вам прекратить допрашивать людей. Уж больно вы любознательная.

— Это всего лишь естественная жажда знаний.

— А я называю это «совать свой нос, куда не следует». Хотя этому есть и другое название — докучливое любопытство.

— Но мне непонятно, почему я не могу знать, кто похоронен у нас на Пустыре.

— «Похоронен у нас на Пустыре», — передразнила она меня. Но себя Мэдди уже выдала — она была смущена и взволнована.

— Там был маленький букетик фиалок — как будто кто-то вспомнил про Пасхальное воскресенье.

— Ох, — растерянно отозвалась она.

— Я подумала, что кто-то мог похоронить там любимую собаку.

— Очень даже может быть, — с некоторым облегчением отреагировала она.

— Но для собаки могила слишком большая. Нет, все-таки, думаю, там какой-то человек... которого похоронили уже очень давно, но до сих пор помнят. Понятное дело, что помнят, раз кто-то так аккуратно положил туда цветы.

— Мисс Джессика, не путайтесь у меня под ногами.

Она торопливо ретировалась со стопкой простыней в руках, но покрасневшие щеки выдавали ее. Она знала, кто похоронен на Пустыре, но — увы — мне не говорила.

Несколько дней после этого я еще донимала ее вопросами, но добиться чего-либо так и не смогла.

— Ох, да перестаньте же! — в конце концов раздраженно воскликнула она. — Потому что однажды можете услышать что-то такое, чего вам лучше бы не знать.

Это загадочное заявление прочно отложилось в моем мозгу, но нисколько не остудило моего любопытства. И весь последующий год тайна той неизвестной могилы не давала мне покоя.

Я перестала думать об этом, только когда в Окленд Холле на другом берегу опять стали заметны признаки бурной деятельности. Я знала, что там что-то происходит, потому что в доме вдруг стали появляться какие-то мастеровые, и с моего наблюдательного пункта у ручья мне было слышно, как перекрикиваются слуги и выбиваются от пыли ковры, вынесенные из дома на улицу. Пронзительные женские голоса сменялись солидным басом дворецкого. Я видела его несколько раз, и всегда он вел себя так, будто Окленд Холл принадлежит лично ему. У меня почему-то сложилась уверенность, что его-то призраки «лучших времен» не донимают.

А затем наступил день, когда я заметила карету и, выскользнув из Дауэр Хауса, увидела, как она сворачивает на подъездную аллею Окленда. Поспешив обратно, я мигом перебралась на другой берег ручья, подкралась поближе к особняку и затаилась в кустах — как раз вовремя, чтобы увидеть, как из кареты на руках вынесли какого-то мужчину и усадили его в кресло-каталку. Лицо у него было очень красное, и он громко орал на окружающих — стены Окленд Холла в «лучшие времена» таких звуков, безусловно, не слышали.

— Занесите меня в дом! — кричал он. — Давай же, Уилмот! Выйди и помоги Бэнкеру.

Мне бы очень хотелось рассмотреть его получше, но нужно было быть крайне осторожной. Можно себе представить, что он сказал бы, если бы увидел меня. Он явно был очень властной личностью, и я чувствовала острую необходимость тщательно прятаться от него.

— Занесите меня по ступеням, — скомандовал он. — Там я уже сам смогу. Покажи им, Бэнкер.

Наконец вся маленькая процессия скрылась в доме, и я со всеми предосторожностями отправилась обратно к мостику. По пути туда

меня не покидало ощущение, что меня преследуют — наверное, это было связано с угрызениями совести из-за вторжения на чужой участок. Я просто бежала изо всех сил и не оглядывалась и, только перебежав на наш берег, все-таки остановилась и обернулась. Я была уверена, что заметила какое-то движение среди деревьев, но кто это — мужчина или женщина — сказать было невозможно. При этом меня не покидало странное чувство, что за мной наблюдают. Я стала переживать, что тот, кто меня видел, может пожаловаться моей маме. Если он — или она — сделает это, у меня точно будут неприятности. Тот факт, что я ступила на запретную территорию, был сам по себе уже достаточно предосудителен, а если меня там еще и видели... На мою голову могла обрушиться настоящая буря презрения и недовольства.

По дороге к себе в комнату я встретила Мириам.

— Хозяин Окленд Холла вернулся, — доложила я ей.

— Храни нас Господь! — воскликнула она. — Снова начнутся бесконечные развлечения, пирушки с попойками и прочие греховные непристойности.

Я радостно рассмеялась.

— Это будет весело!

— Это будет отвратительно, — отрезала она.

— Мне кажется, что с ним произошел какой-то несчастный случай.

— С кем?

— Ну... с тем, кто забрал у нас Окленд.

— Не сомневаюсь, что он это заслужил, — с удовлетворенной ухмылкой заявила Мириам.

Она тут же отвернулась от меня. Сама мысль об этих людях была ей неприятна, но мой интерес к ним возрос еще больше.

И я спросила о них у Мэдди, поскольку у меня давно сложилось впечатление, что она могла бы очень многое мне поведать, если бы удалось заставить ее нарушить обет молчания — что она, собственно, понемногу и делала, как будто ей самой хотелось об этом поговорить.

Итак, я сказала:

— Мэдди, вчера в Окленд Холл привезли какого-то человека в кресле на колесах.

Она кивнула.

— Да, это он.

— Тот, кто купил у нас дом?

— Он где-то заработал целое состояние, но к таким особнякам не привык. Он из тех, кого называют богачами-выскочками.

— *Нуворишами*, если по-французски, — важно проинформировала ее я.

— Можете называть его как угодно, — сказала она, — но только так оно и есть.

— Он инвалид?

— Несчастный случай, — кивнула она. — С такими людьми всегда случаются такие вещи.

— С какими *такими*?

— Он заработал огромные деньги, это правда; вот он и покупает Окленд Холл, а те, кто жил там бог весть сколько поколений подряд, вынуждены переезжать в другое место.

— Пока Клаверинги в карты играли, он тяжело работал, — ехидно заметила я. — Это как в той басне про муравья и стрекозу. И без толку его обвинять: все получили то, чего заслуживали.

— Ну при чем тут какие-то насекомые? Вы, мисс Джессика, сейчас сами как какой-то кузнечик — постоянно перескакиваете с одного на другое.

— Нет, это сравнение очень даже к месту, — возразила я. — И я очень хотела бы побывать в Окленд Холле. Он останется здесь жить?

— Все очень непросто, когда ты одноногий. Богатство-то он получил, но это стоило ему ноги. — Мэдди покачала головой. — Лишнее подтверждение тому, что деньги — это еще не все... хотя в нашем доме иногда думаешь иначе. Миссис Бакет считает, что он останется здесь.

— А кто такая эта миссис Бакет?

— Она там кухаркой.

— Какая замечательная говорящая фамилия — Бакет! Хотя она больше подходит для горничной. А кухарка должна была бы быть миссис Бейкер или миссис Стьюер³. Итак, ты знакома с миссис Бакет, я правильно тебя поняла, Мэдди?

— Вполне естественно, что мы с ней знакомы, учитывая, что она служила в Окленд Холле уже тогда, когда и я была там.

— Вы с ней время от времени видитесь?

Мэдди поджала губы. Я поняла, что она навещает миссис Бакет, и была рада этому. Еще немножко поднажать, и можно будет у нее что-то выведать.

— Я не из тех, кто задирает нос, проходя мимо человека, которого знает двадцать лет, только потому, что...

— Конечно, не из тех. Ты у нас образец...

— Нельзя винить за это миссис Бакет или того же мистера Уилмота. Здесь им места не нашлось. А отказываться от хорошей работы лишь из-за того, что...

— Я прекрасно все понимаю. Итак, он потерял ногу, и?..

— Вы опять перешли к своим перекрестным допросам, мисс. Я вас насквозь вижу. Но одно дело, если я время от времени перекидываюсь парой словечек с миссис Бакет, и совершенно другое, если это будете вы. Так что держитесь нашего берега речки и не задавайте столько вопросов относительно того, что вас не касается.

Я поняла: несмотря на тот факт, что Мэдди навещала миссис Бакет, больше никакой информации мне от нее не добиться.

Стоял жаркий июльский день, я сидела у нашего ручья и смотрела на другой берег, когда все это и произошло. Внезапно я заметила мужчину в кресле-каталке и вскочила на ноги, потому что он почему-то ехал прямо в мою сторону. Это был тот самый человек, который недавно приехал в карете, но на коленях у него лежал шотландский плед, так что не было видно, одна под ним нога или две. Пока я смотрела на него, кресло, похоже, начало набирать скорость, и тут мне все стало понятно: потеряв управление, он выкатился на пологий склон, ведущий к воде, и кресло разогналось. Еще несколько мгновений — и оно окажется в ручье, где обязательно перевернется.

Не мешкая ни секунды, я сбежала к ручью и перешла его вброд. К счастью, лето было засушливое, и воды было мало; поэтому, поднимая тучи брызг, я быстро перебралась на другую сторону и выскочила на берег как раз вовремя, чтобы схватить кресло-каталку, пока оно не свалилось вниз.

Все это время мужчина вопил:

— Бэнкер! Бэнкер! Ради всего святого, где тебя черти носят, Бэнкер? — пока не заметил меня. Я вцепилась в его кресло изо всех

своих сил, и в какой-то момент мне даже показалось, что оно утянет меня в воду за собой.

Теперь мужчина улыбался мне, а лицо его было еще краснее, чем прежде.

— Здорово! — воскликнул он. — Вы сделали это. Такая малышка — а справилась!

Перед ним торчало что-то вроде рычага управления; он потянул его, и замедлившееся кресло повернуло и поехало параллельно берегу.

— Ну вот, — сказал он. — Так-то лучше. Я пока что не привык к этой ужасной штуковине. А теперь пришло самое время мне вас поблагодарить, не так ли? Если бы не вы, я бы точно опрокинулся.

— Да уж, — сказала я, выходя из-за спинки кресла и становясь сбоку. — Можно не сомневаться.

— А где вы были в это время?

— На другой стороне ручья... на нашем берегу.

Он кивнул.

— Мне крупно повезло, что вы оказались в нужном месте в нужное время.

— Я часто там сижу. Мне здесь нравится.

— Я никогда вас прежде не видел. Вы живете в том доме?

— Да. В Дауэр Хаусе.

— А вы, часом, не из Клаверингов?

— Да, из них. А вас как зовут?

— Я Хенникер.

— Должно быть, вы тот, кто купил у нас Окленд Холл.

— Да, он самый.

Я рассмеялась.

— Что в этом смешного? — спросил он довольно резким тоном.

— Просто забавно познакомиться через столько лет таким вот необычным образом, — ответила я.

Он тоже засмеялся. Я не смогла бы объяснить, что в этой ситуации могло так рассмешить нас обоих, но тем не менее.

— Приятно познакомиться, мисс Клаверинг.

— Как поживаете, мистер Хенникер?

— Хорошо, благодарю вас, мисс Клаверинг. Я собираюсь подкатить свое кресло немного вверх, здесь как-то неудобно разговаривать. Туда, под деревья... в тень. Давайте пройдем туда и познакомимся поближе.

— А вы не хотите... позвать Бэнкера?

— Уже нет.

— Вы ведь кричали ему.

— Это было до того, как я увидел вас.

Идя рядом с его креслом-каталкой, я думала об этом чудесном приключении и мысленно аплодировала его предложению отойти подальше, потому что очень не хотела, чтобы нас видели вместе. Добравшись до тени, он остановился, а я присела на траву. Мы сидели и внимательно изучали друг друга.

— Вы и вправду рудокоп? — спросила я.

Он кивнул.

— Золотодобытчик, я полагаю.

Он покачал головой.

— Опалы.

По телу моему пробежала внезапная дрожь.

— Опалы! — возбужденно воскликнула я. — А меня ведь так и зовут — Опал!

— Вот как? Значит, Опал Клаверинг? С моей точки зрения, звучит просто грандиозно.

— Только никто так меня не зовет. Обычно я просто Джессика. Несколько прозаично по сравнению с Опал, вы не находите? Я часто удивляюсь, зачем они дали мне такое имя, если не собирались им пользоваться.

— Более прекрасного имени вам не найти, — серьезно сказал он. Щеки его покраснели еще больше, а глаза на их фоне стали пронзительно-синими. — На свете нет ничего красивее, чем опалы. И даже не пробуйте рассказывать мне что-то про алмазы и рубины...

— Я и не собиралась.

— Вижу, вы не так глупы, чтобы заводить подобные разговоры со старым старателем.

— Кем-кем?

— Добытчиком опалов.

— А как это делается? Расскажите мне.

— Вы приноживаетесь к земле, вы горите надеждой, вы мечтаете. Знаете, каждый старатель мечтает найти самые красивые камни на свете.

— А где вы их находите?

— Ну, они есть в Южной Австралии — в Кубер-Педи и в Андамуке, а также в Новом Южном Уэльсе и Квинсленде.

— Так вы из Австралии, — попробовала угадать я.

— Начинал я здесь, на родине, но там я нашел свой первый опал. Кто бы мог подумать, что Австралия богата на опалы? Мы там еще далеко не все обследовали. Можно себе представить, что было с теми, кто это обнаружил. Вообразите себе такую картину: какие-то тощие клячи ковыряют землю своими копытами, и вдруг... опал! Господи, вот это находка! В те времена мы считали, что все эти камни должны быть из Венгрии, никто и не думал искать их где-то еще. Там их добывали сотни лет, и камни те очень красивые, молочного оттенка... Но теперь я отдаю предпочтение черным австралийским опалам.

Он сделал паузу и взглянул в небо. Я почти уверена, что в этот момент он забыл обо мне. Мысли унесли его очень далеко, за много миль отсюда, на другой конец света, где он выдалбливал — или как там это правильно называется — свои черные опалы.

— Алмазы... пф-ф! — продолжал он. — Что такое алмаз? Холодный огонь, вот и все. Да еще и белый! А вот если взглянуть на опал...

О, я бы ужасно этого хотела, но сейчас лучшее, что я могла сделать, — просто слушать его.

— Австралийские опалы самые лучшие, — продолжал он. — Они тверже. Не так легко раскалываются, как некоторые другие. Это камень удачи. С давних времен люди верили, что опалы приносят везение. Вы знали, что императоры и богачи носили украшения из них, потому что считалось, что они защищают своих владельцев от покушений? Говорили, что опал может помешать врагам отравить вас ядом. А еще с его помощью лечили слепоту, хотя это уже другая история. Чего еще можно желать от камня?

— Ничего, — охотно согласилась я.

— *Oculus Mundi* — вот как их еще называют. Вы знаете, что это значит?

Пришлось признаться, что в своем образовании я еще не зашла настолько далеко.

— Око мира, — просветил он меня. — Носите его с собой, и вы никогда не совершите самоубийства.

— Опалов у меня никогда не было, но и покончить с собой мне как-то в голову не приходило.

— Вы еще слишком молоды. Так вы говорите, вас зовут Опал? И Джессика. А знаете — мне нравится. Джессика. Джесси. Звучит очень располагающе.

— По крайней мере, не наводит на мысли о лечении слепоты или защите в качестве противоядия.

— Точно, — подтвердил он, и мы оба прыснули от смеха. — А еще опалы наделяют даром предвидения, — продолжал он. — Предвидения и пророчества — во всяком случае, так говорят.

Он снял с мизинца кольцо и показал его мне. Я надела его на большой палец, однако оно все равно оказалось мне велико. Там был великолепный камень в золотой оправе. Как замороженная я смотрела, как он играет на свету. Темно-синий, он переливался красными, желтыми и зелеными бликами. Мужчина протянул руку за кольцом, и я поспешно отдала его, потому что в его жесте чувствовалось какое-то нетерпение, как будто он переживал, что слишком надолго расстался с ним.

— Он прекрасен, — сказала я.

— Новый Южный Уэльс... вот он откуда. Уверяю вас, мисс Джесси, однажды в тех краях будут сделаны великие находки... больше, чем сделали мы. Впрочем, я в этом уже не поучаствую. — Он похлопал ладонью по клетчатому пледу у себя на коленях. — Дело это рискованное, опасное. С этим приходится мириться. И думать о награде в случае успеха. Никогда не забуду тот день, когда это со мной случилось. Думал, что мне конец. Я собирал этих красавцев, их было много, они лепились к своду над моей головой, точно устрицы... да, именно, как устрицы. Я не мог поверить своему счастью. Представьте себе меня, выдалбливающего их без устали. Дело было в пещере глубоко под землей, а они прятались в пласте красноватой песчаной почвы... замечательные камешки. Внезапно раздался грохот, и свод пещеры обвалился. Прошло три часа, прежде чем меня смогли оттуда вытащить. Но свои опалы я все-таки добыл, причем один из них... это был настоящий красавец, который стоил того, чтобы из-за него потерять ногу — по крайней мере, я так себя успокаивал. Но, строго между нами, не существует ничего такого, ради чего следовало бы жертвовать собственными конечностями, даже если речь идет о такой красоте, как мой камень. Господи, это была настоящая большая награда. Я даже подумал, что нашел еще одно Зеленое Сияние. Хотя

этот, конечно, был не совсем такой... тем не менее в нем тоже был замечательный блеск зеленого цвета, волшебного оттенка зеленого. Это было первое, что я увидел, когда пришел в себя. Мне еще долго пришлось проваляться в больнице, после того как мне отняли ногу. Это было необходимо. Гангрена и все такое. Прошло немало времени, прежде чем меня перевезли в Сидней, уже без ноги. Но первое, что я попросил, было: «Покажите мне мой зеленый опал». И вот он наконец лежал передо мной, на моей ладони, и, хотя я уже знал, что вместо ноги у меня пустое место, я все равно испытал великую гордость, которую вам трудно понять, увидев лишь эту милую безделушку в моей руке.

— Но он ведь должен был защитить вас от обвала скалы, — заметила я.

— Видите ли, когда скала начала рушиться, он мне еще не принадлежал. Я смотрю на это иначе: мне пришлось заплатить немалую цену за свои камешки.

— Было бы ужасно потерять ногу просто так.

— Я знал, что с моей прежней профессией покончено. Где это видано — одноногий старатель? Хотя, возможно, я снова вернусь к этому, когда научусь прилично ковылять. Но сначала мне нужно привыкнуть к своей деревянной ноге. Врачи сказали мне, что я нуждаюсь в длительном отдыхе, вот я и решил, что лучше всего для этого подойдет Окленд. И вот я здесь, стараюсь приучить себя к костылям, но пока полагаюсь в своих перемещениях на это старое кресло-каталку. Вы сами видели, что из этого вышло бы, если бы не одна проворная юная леди.

— Я очень рада, что увидела вас, но не только поэтому.

— А почему еще?

— Потому что таким образом я смогла с вами познакомиться и столько узнать про опалы.

— Между нашими семьями действительно существует некая вражда. — Он громко рассмеялся, и я засмеялась тоже. Меж нами словно установилась какая-то связь, заставлявшая нас вместе смеяться без какой-то особой причины: мы смеялись не из-за веселья, а просто от удовольствия, получаемого в обществе друг друга, а также из-за необычного характера нашего знакомства. Тогда я еще подумала, —

а позже и убедилась в этом, — что ему нравилась идея лишний раз насмешливо поддеть наше семейство.

— Видите ли, я купил у них дом, — начал он, — который издавна принадлежал вашему роду. У них там в холле над камином прямо на стене был нарисован герб Клаверингов, вообще очень красиво. Генеалогическое древо, кто на ком женился и когда... Клаверинги жили в Окленд Холле с тысяча пятьсот седьмого года, а тут является этот неотесанный грубиян Хенникер и отбирает его у них, причем не огнем и мечом, не с помощью пороха и таранов для взлома крепостных ворот, а с помощью денег!

— Если бы Клаверинги действительно по-настоящему хотели сохранить этот дом, они бы его никогда не отдали. А что касается вас, мистер Хенникер, вы рисковали своей жизнью, чтобы добиться своего, и добились... я рада за вас.

— Странно слышать такие слова от Клаверинга, — заметил он. — Ах да — вы ведь все-таки Опал.

— Я понятия не имею, почему мне дали это имя, — знаю только, что родилась в Италии. Думаю, моя мама тогда была совсем другой.

— Люди меняются, — сказал мистер Хенникер. — То, что с нами происходит в жизни, часто может привести к развороту в обратном направлении. В половине пятого я ожидаю гостя, так что сейчас мне уже пора идти, но послушайте: нам нужно встретиться снова.

— О да, мистер Хенникер, конечно.

— Как насчет завтра? На этом же месте и в это же время.

— Замечательно.

— Думаю, нам нужно еще многое сказать друг другу. Итак, завтра в это же время.

Я смотрела ему вслед, пока он катил свое кресло в сторону дома, а затем в приподнятом настроении взбежала на мостик. Там я остановилась и оглянулась. Дом — его дом теперь — был скрыт за деревьями, но я живо представила себе там его: он громко звал Бэнкера и радовался, что подружился с одной из Клаверингов.

В голову пришла шальная мысль: «Он авантюрист. Как и я».

Я старалась скрыть радостное возбуждение, но Мэдди все равно заметила его; она заявила, что не может взять в толк, кого я ей сейчас

больше напоминаю — собачку, виляющую сразу двумя хвостами, или кошку, стащившую на кухне сметану.

— Уж больно вы довольны собой, я бы сказала, — подозрительно щурясь, добавила она.

— Просто сегодня прекрасный денек, — беззаботно ответила я.

— Значит, в воздухе пахнет грозой, — проворчала Мэдди.

Это вызвало у меня смех. Да, действительно, атмосфера определенно могла стать штормовой, если бы стало известно, что я не только разговаривала с нашим врагом, но и договорилась с ним о следующей встрече.

Которой я уже не могла дожждаться.

Когда я пришла туда, он уже был на месте. Он говорил — о, как он говорил! И как мне нравилось его слушать! Он рассказал мне о своей бедной юности, которая прошла в Лондоне.

— Лондон! — воскликнул он. — Что за дивный город! Его мне не забыть, где бы я ни был. Но с ним у меня связаны также и тягостные воспоминания. Мы были бедны... хотя и не так бедны, как другие, потому что в семье был только один ребенок — я. Моя мать не могла больше иметь детей, и в каком-то смысле тогда это было нашим благословением. Сначала я ходил на дом к одной учительнице, где научился читать, потом посещал школу для разных оборванцев, где понял, что почем в этом мире. К двенадцати годам с моим образованием было покончено, и я был уже готов к жизненным баталиям. К тому времени отец мой умер. Он был пьяницей, так что потеря была невелика. И тогда я начал обеспечивать матери тот уровень комфорта, к которому она не привыкла.

Я гадала, зачем он мне все это рассказывает. Он был своего рода актером, потому что, когда в своем повествовании он говорил от имени других людей, голос его и выражение лица соответственно менялись. Например, когда он рассказывал мне про уличного торговца печеной картошкой, лицо его вдруг сморщилось, и он хрипло прокричал:

— Подходим, красавицы! Вся картошечка горячая и рассыпчатая, по два пенни за штуку! Не только животики набьете, но и ручки согреете! Вот так-то, мисс Джесси, — продолжал он, выйдя из образа и снова став самим собой. — Сейчас вы можете решить, что я несколько вульгарен, но нужно учитывать, что я вырос на лондонских улицах. Вот это была жизнь! Ничего подобного со мной больше не было...

никогда. Когда ведешь такое уличное существование, ничего особенного в этом не замечаешь, но забыть такое уже невозможно. Оно навсегда остается в твоей крови. От него можно уйти, но все равно останется любовь к той жизни, которая всегда будет тянуть в воспоминания о прошлом.

Он все рассказывал и рассказывал — о какой-то ярко-рыжей женщине, о продавцах булавок и иголок.

— Булавки-булавочки, большие и средние, в аккуратных пакетиках, по пять штук на пенни, — нараспев затянул он. Потом вспомнил о торговцах зеленью, предлагавших в основном водяной кресс-салат, который в те дни собирали в полях вокруг города, хотя сейчас все это уже находилось в черте Лондона. А тогда луга и леса подступали к самому Портленд-Плейс; но люди также держали и огороды, так что овощей на рынке было предостаточно.

— А кому во-одяной сала-атик? — задорно и певуче прокричал он. — Все свежайшее, только сорвано! Забавно, когда я говорю об этом, у меня все очень живо всплывает в памяти. Но лучше всего мне запомнилась Пасхальная неделя. Страстная пятница была для меня Днем сдобных булочек. Именно об этом были все мои мысли с утра в этот праздничный день: сегодня мой день булочек.

И он вдруг запел:

Булочки, булочки, горячие крестовые булочки!⁴ Пенни за штуку, а то и за две платите — Деток своих знатно угостите. Если ж деток у вас нет, Купите себе на праздничный обед.

В этот день мы ходили по улицам с подносами свежих булочек на голове и распевали эти незамысловатые слова.

Я была от него в восторге. Таких людей я никогда еще не встречала. Он все время говорил исключительно о себе, но меня это не беспокоило, потому что я охотно слушала его, стараясь заглянуть в мир, доселе мне неизвестный.

— Я был рожден, чтобы делать деньги, — заявил он. — У меня был редкий дар — «прикосновение Мидаса». Вы что-нибудь слышали об этом, мисс Джесси? По легенде все, к чему прикасался этот мифический царь, превращалось в золото. Практически то же самое происходило и со стариной Беном Хенникером. Например, если

я брался играть на пирожки, то обязательно выигрывал. Игра, знаете ли, очень простая. Подходишь на улице к торговцу с подносом пирожков, подбрасываешь свой пенни, ловишь и накрываешь его ладонью. Тот говорит «орел» — они всегда выбирают орла. Мне, разумеется, остается решка. В итоге, угадав, я сохраняю свою монетку плюс получаю пирожок. Когда это проделывают другие, они каждый раз проигрывают. Но только не я. Тогда я был хорошим игроком, остался им и сейчас. Я понял, что путь к богатству идет через продажи. Нужно только найти то, что люди хотят получить, без чего они жить не могут, а потом предложить им это, но более высокого качества, чем у других продавцов, и по возможности дешевле. Улавливаете идею? Даже когда мне было всего четырнадцать, я уже умел хорошо продавать. Это могло быть что угодно: бараньи ножки, свиные ножки, морские моллюски, шербет, имбирное пиво, лимонад. Я всегда знал, где взять дешевле, и мог предложить лучшую цену. Одно время у меня была палатка, где я продавал кофе, но потом я занялся выпечкой имбирных пряников, и мне показалось, что я нащупал способ разбогатеть. Я додумался делать свои пряники самой разной формы — лошадки, собаки, арфы, девочки, мальчишки... даже королева с короной на голове. Пекла их моя мама, а я продавал. Дело пошло хорошо, и у нас даже появился свой небольшой магазин на Рэтклифф-Хайвей — и очень неплохой магазин, нужно сказать. Бизнес разрастался, и жили мы в достатке. Но потом мама умерла. Это было неожиданно, как снег на голову. Она просто упала замертво на кухне, когда лепила свои замечательные пряники.

— И что же было после этого?

— Я завел себе подругу. Но ничего хорошего из этого не вышло. Красивая, как картинка, она обладала вспыльчивым характером. Пряники у нее не имели нужной формы, да и качество стало не то. Наш бизнес рассыпался, и она от меня ушла. Мне было семнадцать, и я нашел работу в доме одного джентльмена — присматривать за лошадьми. Как-то раз хозяйева отправились навестить своих друзей в их усадьбе за городом. В мои обязанности входило ехать на запятках кареты, а когда она останавливалась, спрыгивать, открывать дверцу и помогать дамам выйти, чтобы они не испачкали своих юбок. О, в те годы я был очень красив. Видели бы вы мою ливрею, темно-синюю с серебряной тесьмой! Должен признаться, что все девушки

заглядывались на меня. Так вот, однажды мы отправились в гости, и, как вы думаете, куда именно мы приехали? В деревню Хартингмонд. В поместье под названием «Окленд Холл».

— Так вы попали в гости к Клаверингам?

— Совершенно верно, но явился я туда в очень непрезентабельном облике. Я в таких домах еще никогда не бывал и решил, что это самое красивое место, какое я только видел в своей жизни. Мы с кучером сходили на конюшню и первым делом позаботились о наших лошадях, а потом за стаканчиком поговорили с местными конюхами из Окленд Холла; они там, хочу я вам сказать, были просто отменными.

— Как интересно! — воскликнула я. — Должно быть, это было очень давно.

— Да, задолго до вашего рождения, мисс Джесси. Мне тогда было лет семнадцать или восемнадцать — значит, действительно давненько. Как думаете, сколько мне лет?

— Вы определенно старше Ксавье, намного старше, но почему-то выглядите моложе его.

Мое замечание, похоже, ему очень понравилось.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ